

— Я всё заранее разузнал — поэтому и пригласил именно сейчас, — спокойно улыбнулся Вэнь Жунь. — Полагаю, уездный начальник тоже так считает. А вот сяньчэн Ли... мы не знакомы.

— У сяньчэна в эти дни здоровье пошатнулось, — многозначительно сказал секретарь Мао. — Говорят, у них в этом году урожай плохой, да и арендаторы недовольны размером арендной платы. Ах, вот оно какое — большое хозяйство, большие хлопоты! Мне, как секретарю, конечно, проще живётся.

Вэнь Жунь снова улыбнулся:

— Сейчас вам спокойно, потому что самое горячее время уже позади. Во время уборки урожая вы точно не скучали!

Ведь именно осенью решались все вопросы: сбор налогов, распределение повинностей — без участия канцелярии тут не обойтись. Все бегали, как угорелые.

Даже в его прошлой жизни, в другом мире, уборка урожая всегда считалась важнейшим событием года.

И он тогда, в разгар осени, точно бы не стал устраивать банкетов!

— Видно, ты умеешь расставлять приоритеты, — одобрительно кивнул секретарь Мао, но тут же понизил голос: — Зятя уездного начальника отправили обратно в родную деревню. Госпожа, конечно, сокрушается, но ради карьеры мужа пришлось пожертвовать... Ах, нелёгкое это дело!

Он выглядел слегка озабоченным.

Но Вэнь Жунь не стал расспрашивать подробнее. К тому же в этот момент появился Сюй Юй.

Он был первым из всех студентов академии, кто пришёл на банкет, и действительно принёс поздравительный подарок.

Если подарок секретаря Мао был строго по этикету, а подарок старшего брата Чжана — душевный и практичный, то подарок Сюй Юя выглядел особенно щедрым. Он приехал на собственной повозке, и кучер тут же перенёс всё на повозку Вэнь Жуна.

В подарок он привёз: две пары шёлковой парчи, две пары тонкой хлопковой ткани, четыре пары грубой домотканой ткани, десять лянов серебром в качестве поздравительных денег, одну вяленую ветчину, двух вяленых уток и двух жареных цыплят.

А ещё — пару изысканных кистей из красного дерева с волосяными щетинками из хвоста

волка.

Войдя в зал, он передал список подарков мальчику-слуге у двери.

Вэнь Жунь встал навстречу:

— Юйжань-гун!

— Жу Юй-гун! — ответил Сюй Юй.

Они обменялись учтивыми поклонами, тепло поздоровались, а затем поприветствовали и секретаря Мао.

Секретарь Мао невольно позавидовал им. Ведь он сам — всего лишь сюцай, и сколько ни пытался сдать экзамен на цзюйжэнь — так и не смог. Иначе бы не стал секретарём при уездной канцелярии.

Перед ним же — один уже цзюйжэнь, другой явно имеет все шансы им стать. Молоды, талантливы, полны сил... Секретарь Мао чувствовал и зависть, и лёгкую грусть.

Но вскоре его «поразили» ещё сильнее: все пришедшие оказались очень молоды. Самому старшему из студентов едва исполнилось двадцать восемь, никто не достиг тридцати. Горный старейшина (шаньчан) был в возрасте пятидесяти лет — «знал волю Неба», как говорится, а двое учителей — около сорока.

Когда все собрались, гости расселись за два стола. За первый сели Вэнь Жунь, Сюй Юй, горный старейшина, секретарь Мао и двое товарищей по общежитию, чьи комнаты соседствовали с комнатой Вэнь Жуна. Остальные заняли второй стол.

Среди пришедших были не только сюцаи, но и несколько обычных студентов академии. Это удивило Вэнь Жуна: обычно они лишь вежливо кивали друг другу в коридорах, ведь учились в разных классах. Откуда такой интерес?

И ведь принесли подарки!

Каждый дал по пять лянов серебром и немного бумаги — правда, простой бамбуковой, но Вэнь Жуню это очень понравилось: ему самому она не нужна, а детям в Ляньхуаао — в самый раз.

Некоторые даже подарили недорогие кисти — для тренировки письма вполне подойдут.

Однако их истинные намерения заставили Вэнь Жуна задуматься. Внешне он, конечно, вёл

себя как подобает хозяину: весело беседовал, поднимал тосты, говорил о том, что интересно гостям.

Особенно впечатлили всех, когда подали вино. Две бутылки шестнадцатилетнего «Ньюэр хун» появились на столе — никто не ожидал, что Вэнь Жунь так щедро устроит банкет. Теперь-то ясно: быть цзюйжэнем — совсем другое дело!

Сам Вэнь Жунь встал и лично разлил всем вино:

— Благодарю вас за то, что пришли поздравить меня с получением звания цзюйжэня! Позвольте мне выпить первым!

Он залпом осушил три маленьких бокала. Вино было слабым, бокалы — крошечными, так что это не составило труда.

— Не стоит благодарности! — хором подняли бокалы гости и дружно поздравили Вэнь Жуня, почти как на настоящем «Пире Лу Мин».

Едва они выпили, как в зал вошёл сам старший брат Чжан и торжественно подал блюдо жареной оленины:

— Цзюйжэнь Вэнь по обстоятельствам не смог присутствовать на «Пире Лу Мин». Эта оленина — подарок от нашей таверны, чтобы хоть немного восполнить этот пробел.

Все гости с уважением посмотрели на таверну: вот это да — настоящие люди с понятиями!

Вэнь Жунь поблагодарил старшего брата Чжана и выпил с ним ещё по бокалу.

Но управляющий был очень занят — ведь как раз время обеда, — и, выпив один бокал, тут же ушёл, оставив за столом компанию учёных мужчин, которые продолжили весело пить и беседовать.

Секретарь Мао особенно наслаждался «Ньюэр хун», горный старейшина тоже выглядел довольным.

— Говорят, ещё в эпоху Цзинь, в труде Цзи Ханя «Описание южных растений и деревьев» упоминалось, что «ньюцзю» («девичье вино»), или «ньюэр хун», — обязательный напиток в богатых семьях при рождении и замужестве дочери, — спокойно начал Вэнь Жунь. — Как только новорождённая девочка издаёт первый крик, сердце отца наполняется теплом. Он берёт урожай с трёх му клейкого риса и варит из него три бутылки вина. Аккуратно запечатывает их и закапывает глубоко во дворе под деревом османтуса — словно прячет свою отцовскую любовь. Время от времени он подходит к дереву, несколько раз наступая на землю — будто от этого становится спокойнее. А потом оглядывается на дочь: у неё в волосах красная ленточка, брови

и глаза — как листья ивы в ясный день Цинминя, с каждым днём всё прекраснее. С незапамятных времён в Шаосине сохраняется этот обычай. Когда дочь выходит замуж, вино становится частью приданого и отправляется в дом жениха. По старинному правилу Шаосина, первые три чаши вина из бутылки подают свёкру, родному отцу и мужу девушки — как молитву о долголетию и процветании семьи. В Шаосине до сих пор живёт обычай: родилась девочка — вари вино! Когда поэт эпохи Южная Сун Лу Юй жил в городке Дунгуань, он однажды отведал «ньюэр хун» и написал знаменитые стихи. Уважаемые господа, не знаете ли вы их?

Кто ж знал?!

Все переглянулись в замешательстве.

Тогда горный старейшина, поглаживая бороду, произнёс:

— «Хочу переселиться в Дунгуань,

Чтоб каждую ночь смотреть на луну, восходящую над озером».

— Шаньчань действительно эрудирован! — Вэнь Жунь почтительно поклонился. — Младший поколением восхищается!

Хотя оба — цзюйжэни, Вэнь Жунь, будучи моложе, уже не мог называть себя «учеником» перед старейшиной — только «младшим поколением».

— Всё это вы прочитали в книгах, — усмехнулся секретарь Мао. — На самом деле история совсем иная. В нашем краю ходит такое предание: в Шаосине жил портной. Женившись, он мечтал о ребёнке. Однажды узнал, что жена беременна, — обрадовался и тут же сварил несколько бутылей вина, чтобы угостить гостей при рождении сына. Но родилась дочь. А портной, как и многие тогда, предпочитал мальчиков. Поэтому на месячный праздник вино не доставали и закопали под османтусом, да так и забыли. Годы шли. Дочь выросла — умница, красавица, да ещё и ремеслу отца научилась. Вышла замуж за его же ученика. На свадьбе портной веселился от души, пил вино... и вдруг вспомнил про те бутылки под деревом! Выкопал — открыл — а оттуда такой аромат хлынул, вино густое, насыщенное, вкус — непередаваемый! С тех пор все стали называть это вино «ньюэр хун» — «девичье красное». И пошло по округе: родилась девочка — вари и закапывай вино; выходит замуж — копай и угощай гостей. Так и пошёл обычай.

— Вау! — молодёжь пришла в восторг, погрузившись в мечты.

Вэнь Жунь улыбнулся и с лёгкой иронией добавил:

— Выходит, мы пьём не просто вино... а само прекрасное юное девичество!

Лица юношей слегка покраснели, взгляды начали нервно блуждать.

Подобные романтические домыслы — откуда им, книжным червям, было такое испытать?

— Что вы тут себе надумали? — рассмеялся секретарь Мао, и его смех прозвучал так, что все только руками всплеснули. — На самом деле всё это — лишь легенды. Шаосин — моя родина, и там действительно есть такой обычай: каждая семья, у которой родился ребёнок, варит три бутылки вина и закапывает их в землю. Если родилась девочка — вино называют «ньюэр хун» («девичье красное»), если мальчик — «чжуаньюань хун» («красное вина будущего чжуаньюаня»). Так родители молятся, чтобы сын усердно учился, поехал в столицу сдавать экзамены и однажды вернулся победителем — чжуаньюанем! Тогда и раскупорят старое вино, чтобы угостить гостей. Но на деле настоящих чжуаньюаней — один на десять тысяч. Поэтому обычно это вино называют просто «хуадяо» («вырезной узор»). Его подают в день свадьбы сына, чтобы угостить гостей. Так что и «ньюэр хун», и «чжуаньюань хун» — по сути, всё тот же «хуадяо». Просто обычный «хуадяо» уже через три года считается хорошим выдержанным вином, а вот вино, выдержанное десятилетиями, — только то, что закопали при рождении ребёнка.

Все слушали с открытыми ртами — оказывается, всё не так, как они думали!

— Впредь не давайте себя обмануть! — улыбнулся горный старейшина. — Настоящего «ньюэр хун» не бывает моложе шестнадцати-восемнадцати лет. А «чжуаньюань хун» остаётся просто «хуадяо», если сын так и не стал чжуаньюанем!

Все дружно закивали.

После нескольких тостов и закусок разговор естественно перешёл к теме экзаменов.

— В этот раз у нас только один цзюйжэнь — Вэнь Жунь, — серьёзно сказал шаньчань У Гуй, по литературному имени Цюйшэн. — Через два года постараемся подготовить ещё несколько! У всех вас есть талант, но помните: не зазнавайтесь и не теряйте терпения.

Лица студентов залились румянцем — то ли от вина, то ли от еды, а может, просто от радости.

Ведь слова шаньчаня означали: у них есть реальный шанс стать цзюйжэнями! Обычно он так прямо не говорил — значит, надежда есть!

После обеда гости один за другим стали прощаться. Вэнь Жунь лично провожал каждого. Секретаря Мао Лю Саньэр отвёз обратно в канцелярию, а шаньчань и двое учителей остались.

Вэнь Жунь пригласил их в соседний зал — тоже устроенный старшим братом Чжаном, с чаем и сладостями.

Когда почти все разошлись, остался только Сюй Юй — он помогал присматривать за тремя старшими.

Вэнь Жунь быстро привёл себя в порядок и присоединился к ним в зале.

Горный старейшина уездной академии звался У Гуй, по литературному имени Цюйшэн — родился в день праздника Чжунцю («Осеннее равноденствие»), так что запомнить было легко.

Первый учитель — Сунь Син, по литературному имени Чжунхуа.

Второй — Чжао Чжунь, по литературному имени Шаньсин. Из-за своей веры в буддизм он также имел мирское буддийское имя — Ихуэй.

Эти трое были наставниками Вэнь Жуна. Перед ними он вёл себя так же, как и раньше — опираясь на воспоминания прежнего хозяина тела. Хотя они давно не видели Вэнь Жуна, да и его статус теперь изменился, да и пережил он немало — но подозрений у них не возникло.

Уже хорошо, что могут спокойно посидеть и поговорить.

— Сегодня твой день радости, — неспешно проговорил шаньчань У, попивая чай и откусывая кусочек хуашаньского пирожка с ханьчжэнем (сушёными плодами китайской горькой сливы).
— Наверное, есть вопросы?

— Да, шаньчань, — кивнул Вэнь Жунь. — С однокурсниками я действительно дружу, их человек пятнадцать. Но те, кто пришёл позже... мы почти не общались. Тем не менее, все принесли подарки. А ведь в нашем мире «дары требуют ответных даров» — а я с ними почти не пересекался.

В древности к подаркам относились крайне серьёзно. «Ли шан ван лай» («дары требуют ответных даров») — это не просто вежливость, а основа всех человеческих отношений.

Как сказано в «Ли цзи» («Записках о правилах благопристойности»), составленных Дай Шэном в эпоху Западная Хань:

«В дарах важен ответный дар. Если дарят тебе, а ты не отвечаешь — это нарушение этикета. Если тебе дарят, а ты не даришь в ответ — это тоже нарушение этикета».

Даже простой учёный, не говоря уже о сюцае или цзюйжэне, обязан знать и соблюдать эти правила.

В глазах современников «ли шан ван лай» — универсальный принцип уважения.

Ещё в первой главе «Ли цзи» прямо говорится: суть этикета — в скромности по отношению к себе и уважении к другим. Даже у простого торговца, самого низкого сословия, есть чувство собственного достоинства, и его тоже следует уважать — не говоря уже о богатых и знатных.

Богатые, соблюдающие этикет, не станут роскошествовать и развратничать.

Бедные, соблюдающие этикет, не потеряют своей воли.

Именно в этом и заключается истинный смысл «даров и ответных даров» — уважение к человеческому достоинству и взаимное поощрение.

— А ты знаешь, как правильно толковать выражение «ли шан ван лай»? — вдруг спросил шаньчань У, будто проверяя ученика.

Вэнь Жунь на мгновение опешил — неужели экзамен?

Он быстро собрался с мыслями:

— «Ли» — это правила, этикет. «Шан» — значит «почитать, ценить». То есть в этикете важно соблюдать взаимность: дар — требует ответного дара. Как говорится: «Дары требуют ответных даров, как нефрит требует ответного нефрита; Искреннее чувство влечёт за собой искренние поступки, как брошенный кирпич зовёт в ответ нефрит».

— Отличное толкование, — одобрительно кивнул шаньчань. — А скажи, знаешь ли ты, что при сдаче экзамена на цзюйжэня тебе нужны были поручители?

— Знаю, — кивнул Вэнь Жунь, и вдруг до него дошло: — Неужели они хотят, чтобы я стал их поручителем?

Действительно, в эпоху императорских экзаменов первый официальный статус, который получал учёный, — это «шэньюань» (сюцай).

Но чтобы стать сюцаем, нужно было доказать, что у тебя есть достаточное имущество, чтобы учиться долгие годы.

Уже только подготовка к экзамену на сюцая требовала огромных затрат: учебники — «Лунь Юй», «Мэн Цзы», «Шу Цзин», «Ши Цзин», «Ли Цзи», «Чуньцю» с комментарием «Чжуань Цзо» (всего более 407 000 иероглифов!), плюс классические тексты всех династий...

А ещё — плата учителю, книги, чернила, кисти, бумага... Всё это требовало немалых денег.

И это была первая преграда.

Вторая — нужно было действительно хорошо учиться!

<http://bllate.org/book/15642/1398061>